

ЗВЕЗДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1940

№ 1

ЛЕНИНГРАД

А. Дерман
«А. П. ЧЕХОВ»

Критико-биографический очерк.

Гос. Изд. «Художественная Литература», М., 1939.

Советские литературоведы проявляют живой интерес к творчеству выдающегося русского писателя и драматурга Антона Павловича Чехова. После Октябрьской революции были написаны книги С. Д. Балухатого, Ю. Соболева, Л. Мышковской и А. Роскина и было напечатано много журнальных статей. В 1940 году исполнится 80 лет со дня рождения А. П. Чехова, и в связи с этим широкие слои советских читателей заинтересуются критической литературой о его творчестве.

Несколько лет назад А. Дерман издал книгу «Творческий портрет А. П. Чехова». Теперь он выступил со второй книгой о жизни и деятельности облюбованного им писателя. А. Дерман любит Чехова, хорошо знает его творчество, и поэтому читатели раскрывают его вторую книгу как многообещающее исследование.

А. Дерман меткими штрихами охарактеризовал греческую школу и таганрогскую гимназию, зарисовал ту серую и захолустную обстановку, в которой жил молодой Чехов.

Обстоятельно и подробно в книге рассказано о первых литературных опытах Чехова, о его ранних, затерянных произведениях.

Малоизвестный эпизод из его литературной деятельности — рукописный журнал «Занка» — освещен в книге интересно и живо.

Во многих исследованиях обычно говорилось, что Чехов под влиянием письма Григоровича стал серьезнее относиться к своему творчеству, — и на этом ставилась точка. А. Дерман выясняет, что были и другие причины и «толчки», которые заставляли Чехова пересматривать свой взгляд на творчество. Письмо же Григоровича было последним и решающим толчком в этом направлении.

Раньше в большинстве случаев литературоведы говорили вообще о влиянии Толстого на Чехова и не стремились проследить, отразилось ли это влияние в чеховских произведениях. А. Дерман доказывает, что в рассказах Чехова «Встреча», «Нищий», «Кавказ» и «Письмо» чувствуется толстовское влияние. После того как Чехов преодолел влияние Толстого, он полемизировал с ним в некоторых своих произведениях, например в рассказах «Без заглавия» и «В ссылке», в повести «Палата № 6» и в известной мере в произведениях «Дом с мезонином», «Моя жизнь» и «Крыжовник».

Хорошо рассказано в книге о поездке Чехова на Сахалин, о его желании изучить условия жизни сахалинских ссыльных и каторжных и написать об этом своего рода научно-исследовательскую работу.

Свою книгу А. Дерман назвал «Критико-биографическим очерком», но надо признать, что в книге биографический материал преобладает над критическим, и это относится к слабым сторонам книги. Они могут возразить, могут напомнить, что это — популярная книга, что она рассчитана на широкий круг читателей. Но ведь культурный уровень читателей неизмеримо вы-

рос, и в наше время изменяется понятие «популярной книги». Поэтому было бы лучше дать в книге в равной мере и биографические сведения и анализ творчества.

Некоторые вопросы творчества Чехова в книге затронуты бегло или же совсем обойдены молчанием. Не рассказано об эпохе, в какую жил и работал Чехов, в какой общественной обстановке формировались его взгляды и настроения. Мало сказано о литературном окружении, о литераторах и публицистах, среди которых он вращался. Следовало бы в книге охарактеризовать юмористическую литературу 80-х годов и показать ее отличие от сатиры 60-х годов. Тогда для читателя был бы более понятен ранний чеховский юмор.

В книге сомкан вопрос о чеховской драматургии, о творческой близости Чехова к МХАТУ. Дерман определяет драматургию Чехова как драматургию «настроений», но не говорит о ее отличительных особенностях. Читатель вправе задать вопрос: чем отличается драматургия Чехова от драматургии Гоголя, Островского и Горького, чем отличаются творческие позиции МХАТа от творческих позиций других театров? Более подготовленный читатель может спросить, оказала ли влияние драматургия Чехова на русских драматургов, приобрел ли известность Чехов-драматург в других странах? У нас уже есть солидные исследования о драматургии Чехова и о МХАТе, и об этом можно бы написать что-нибудь более четкое и ясное.

Определяя место Чехова в истории русской литературы, Дерман отмечает, что долгое время недооценивалось значение Чехова, и дальше пишет:

«Причиной тому было одно обстоятельство, точно также общее в судьбе Чехова и Пушкина: глубокая реформа, которую они произвели в русской литературе, прошла под знаком простоты. А простота трудно распознается... В дальнейшем развитии литературы проходило по самым различным линиям, но не по линиям простоты. Ни Гоголь, ни Достоевский, ни Толстой, ни Тургенев не ставили себе цели — упростить литературную форму. Чехов себе эту цель поставил и достиг ее. И это был новый и громадный шаг по пути демократизации литературы. Можно с уверенностью сказать, что Чехов расширил круг читателей до бесконечности, потому что трудно себе представить читателя, для которого Чехов был бы непонятен, недоступен». (Подчеркнуто А. Дерманом, стр. 195—196).

В этих определениях не все правильно. Никто из литературоведов, конечно, не оспаривает громадного значения Чехова в истории русской литературы, никто не оспаривает простоты его языка и стиля. Но зачем же, высоко оценивая Чехова, снижать значение других писателей, зачем приписывать русской литературе какие-то «различные линии», уводящие ее от простоты? Неужели от Пушкина до Чехова не было ни одного русского писателя, который заботился бы о литературной простоте? А куда же девались Лермонтов, Гончаров, Тургенев и Толстой?

В приведенной цитате А. Дерман утверждает, что чеховская простота была «громадным шагом по пути демократизации литературы». Разумеется, это правильно. Но если речь зашла о демократизации литературы, то надо говорить не

об одном **Чехове**, а следует отдать должное и другим писателям. В деле демократизации литературы исключительно-важное значение имеет творчество поэта-демократа **Н. А. Некрасова**, и его никак нельзя забывать, никак нельзя приписывать заслугу в деле «демократизации литературы» одному **Чехову** и недооценивать крупнейших русских писателей и поэтов.

При таких общих определениях нужно иметь ввиду историко-литературные перспективы и каждое литературное явление рассматривать на определенном историческом фоне. Когда литературовед любит какого-нибудь писателя и долгое время изучает его творчество, он иногда переоценивает любимого писателя и отодвигает на второй план других писателей, имеющих равное или даже большее значение.

В последних главах своей книги **А. Дерман** выясняет, как относились читатели к творчеству **Чехова** и какой вывод делали они из его произведений. Приведя цитату из чеховского рассказа «Человек в футляре», **А. Дерман** пишет:

«Вот это и есть настоящее слово: «Больше так жить невозможно!» Это и есть сжатое и точное выражение того, что выносил читатель **Чехова** из его мрачных, пессимистических произведений. И это шло навстречу тому чувству,

какое рождала в читателе предреволюционная действительность в годы нарастания боевого общественного настроения: жизнь сама по себе, в своей сущности, казалась прекрасна, сулила светлые радости. Но у самого порога ее встречает ненавистный режим, постепенно, но неуклонно отсекающий все надежды и радости и превращающий светлый, разнообразный мир в серую казарму, в унылый ряд «футляров». «Больше так жить невозможно!» — всеми своими фибрами ощущал читатель. И **Чехов** своими рассказами и пьесами давал выход этому чувству, оформлял в сознании и выражал в словах то самое, что без слов, но глубоко волновало тысячи его читателей» (стр. 191).

Изучение творчества **Чехова** привело **А. Дермана** к этому, очень правильному выводу, к точному и меткому определению функции чеховских произведений.

Таким образом, книга **А. Дермана** о **Чехове** содержит в себе интересные биографические сведения и материалы, но некоторые вопросы творчества **Чехова**, к сожалению, освещены недостаточно-широко; в целом же эту интересную и полезную книгу охотно прочтут советские читатели.

В. Злобин